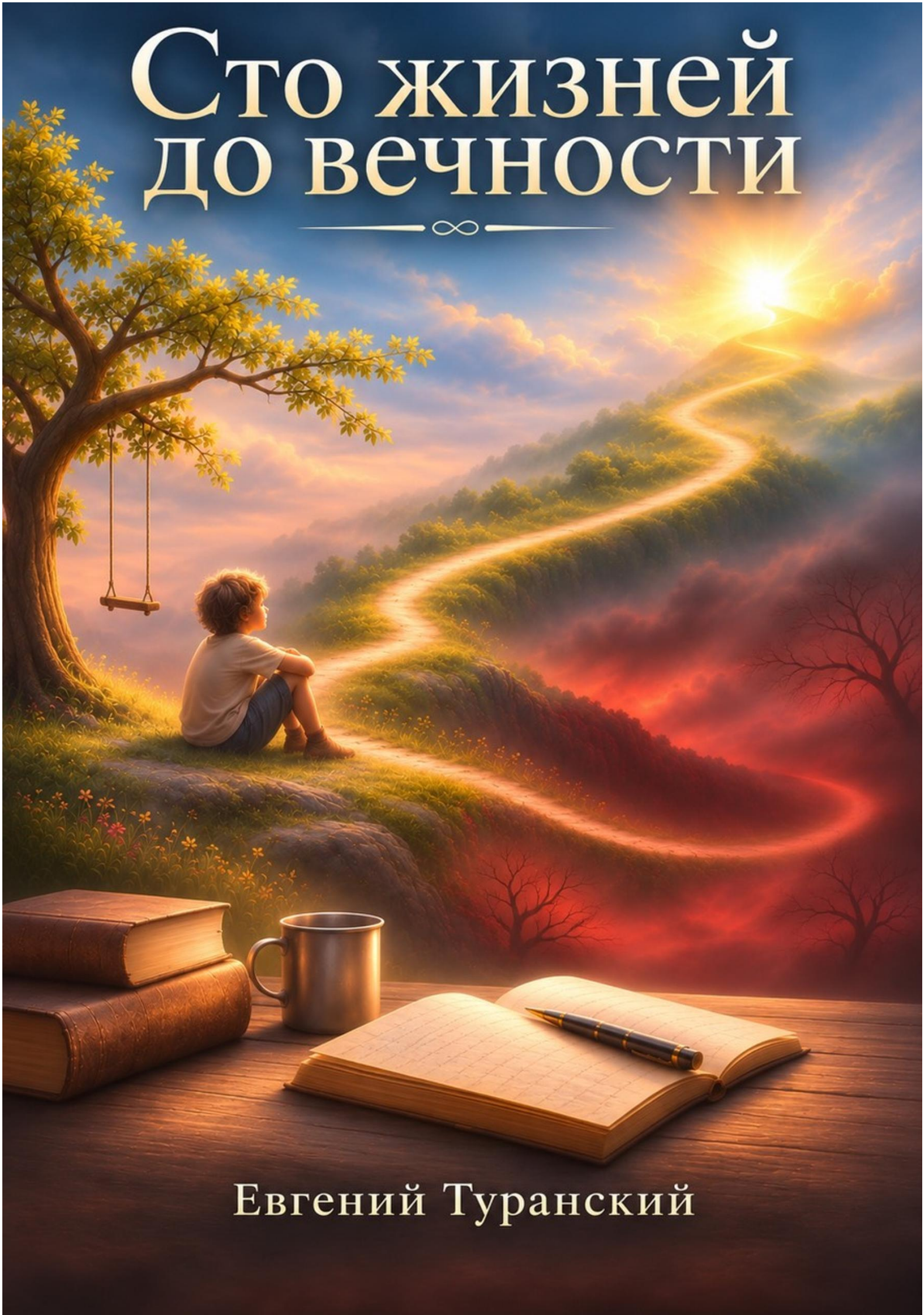
Сто жизней до вечности

Евгений Туранский

Евгений Туранский

Сто жизней до вечности

«Автор»
2026

Туранский Е. С.

Сто жизней до вечности / Е. С. Туранский — «Автор», 2026

Можно ли быть уверенным, что добро всегда остаётся добром, а зло — только злом? Писатель приносит редактору рукопись о душах, которые выбирают свой жизненный путь и снова возвращаются в мир. Их разговор постепенно превращается в спор о вере и сомнении, справедливости и страдании, свободе выбора и цене наших поступков.Параллельно перед читателем оживает детство главного героя – с дворовыми приключениями, рискованными затеями и первыми уроками ответственности. Но даже очевидные, казалось бы, ответы здесь не окончательны: у каждого поступка может быть своя правда, а чужую — не всегда легко понять.

© Туранский Е. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Сто жизней до вечности. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Евгений Туранский
Сто жизней до вечности

Сто жизней до вечности.

Как же привычно и странно всё было. Трудно было назвать это место помещением или комнатой – стен и перегородок не было видно. Да что там – их и не было вовсе. А вот границы можно было явственно ощутить, не увидеть, не потрогать, а именно ощутить. Он попытался представить себе количество присутствующих здесь, количество таких же как он, но поспешно отмахнулся от этой мысли, так как за то множество раз, что он бывал здесь, ответа он так и не получил. Да это было и не столь важно. Важнее для него было другое. Важнее было понять сколько в этот раз ему здесь придётся пробыть. День, два, месяц, год, столетие? Сколько? Никто и никогда не знал ответа на этот вопрос. Да и в каких единицах считать, если здесь нет никаких?

Каждый раз срок ожидания был разным. Он очень надеялся, что теперь ему не придётся ждать своей очереди слишком долго, так как ожидание всегда было слегка утомительным. Это не было связано со скукой или чем-то подобным, вовсе нет. Скорее это было связано непосредственно с ожиданием и ожиданиями. Он каждый раз красочно представлял себе, как пройдёт его очередной период, его очередной спуск, как все они это называли. И представления всегда отличались от реальности. Его последний спуск, из которого он вернулся буквально несколько дней назад, прервался довольно неожиданно. Ему пришлось возвратиться, не проведя внизу и половины срока, о котором он так долго мечтал. Мечты мечтами, а действительность действительностью. Если бы не синдром стёртой памяти, то всё было бы совершенно иначе – он с лёгкостью выполнил бы всё так, как и было запланировано. Но нет, сохранить память на время спуска практически никому не удавалось. Почему практически? Да потому что ходили слухи, будто бы кто-то всё же это сделал. И не просто сделал, а ещё и встретил во время текущего спуска знакомых из предыдущего. Интересно, удалось им пообщаться или нет? Ведь узнать его они не узнали бы, по внешности уж точно.

И ещё вопрос: было ли интересно, вот так сохранить память? Одно дело всё распланировать и чётко следовать плану, а совсем другое – это в процессе заниматься импровизацией, и узнать выполнен ли план, только по возвращении. Это было гораздо интереснее, и в этом, наверное, и был основной смысл. Выполнил ли он свой прошлый план на сто процентов? Конечно же нет, это не удавалось никому за исключением пары счастливчиков, имена которых знал каждый. Продвинулся ли он значительно вперёд? Безусловно, как и большинство здесь присутствующих. Конечно, бывали и исключения и их было немало, когда кто-то с высоким уровнем скатывался к настолько мелким мирским заботам, что по возвращении очень жалел, что не смог с собой совладать. А кто-то, например, планировал вплотную заняться наукой, а вместо этого потратил всё своё время на развлечения. Обратные ситуации тоже возникали с завидной регулярностью, как было, например, в его позапрошлый спуск. Тогда он просто хотел недолго отдохнуть и развлечься, а вернувшись, понял, что всё время трудился. Конечно, это был достойный опыт, и он ни о чём не жалел. Просто в очередной раз убедился, что здешние планы и мечты не так уж много значат. Без них, конечно, никуда. Но воплотить задуманное не очень-то важно. Гораздо важнее сохранить общий настрой, общую тенденцию – не сломаться, словно высушенная ветка, а наоборот – укрепиться в своих убеждениях и пронести их до самого конца. Каждый спуск должен быть шагом вверх в духовном развитии. Только так можно взобраться достаточно высоко. С одной стороны, это позволит сократить время будущего ожидания. А с другой – позволит проходить спуски в более сложных условиях. А это всегда интереснее…

Тут он снова задумался о том, что ему предстоит. В этот раз он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы рискнуть и выбрать уровень посложнее. Почему-то он был уверен, что справится, несмотря на так неожиданно прервавшийся последний спуск. Неожиданно он вспомнил, что предстояло ещё заполнить анкету, и решил не откладывать это дело в долгий ящик. Привычно введя идентификационные данные, он с уверенностью выбрал максимальный уровень второй группы сложности, добавил возможность интенсивного кармического воздействия и не забыл указать цели, которые нужно будет достичь. Закончив с анкетой, он снова погрузился в мечты о том, как пройдёт его спуск.

Прошло около трёх с половиной лет (он машинально пытался измерять время привычными ему единицами), прежде чем он понял, что его очередной спуск произойдёт со дня на день. Все эти годы он не переставал размышлять о своём плане, день за днём обдумывая его до мельчайших подробностей и продумывая каждый будущий момент. Он понимал, что воплотить свой план, быть может, ему и не удастся, но тем не менее расписал свою будущую жизнь, практически по минутам. О, она должна быть грандиозной!

Из мыслей его вырвал голос, если это можно было так назвать. К нему обращался тот, кто находился напротив:

– Давно ждёшь? Может попробуем без очереди?

Вообще это был первый раз, когда кто-то вторгся в его личное пространство. Здесь это было не принято, поэтому он просто промолчал.

– Ну?! Что молчишь? Давай через двенадцатые, там проще всего.

Да в своём ли он уме? Двенадцатые ворота? Те самые, через которые в 1954 году разом прорвались 23 души и вместе с той, чья очередь только что подошла, оказались заперты в одном человеке. Он родился в 1955 году, и очень скоро о нём узнал весь мир. Очень нашумевший случай, парню жутко не повезло. Его звали то ли Вилли, то ли Билли, да в общем-то и неважно, как его звали. Важно то, что всю оставшуюся жизнь он мучился, пытаясь ужиться с таким количеством личностей в своей голове, и лечили его более десяти лет. А всё из-за таких вот сущностей, пытающихся осуществить спуск без очереди. Так что нет, приятель, я пас, тем более что очередь моя уже подошла…

***

– Стоп, стоп, стоп! Идею я ухватил. Дальше вы начнёте расписывать как эти две души попадают в одно тело и как сложно им живётся. О том, какая между ними происходит борьба. «Я прав?» – нервно барабаня пальцами по столу спросил редактор.

– Вообще-то идея была не в этом.

– И в чём же?

Писатель слегка замялся, и неуверенно произнёс:

– Идея была в том, чтобы показать читателю как устроена наша жизнь… Вернее даже не то, как она устроена, а как, возможно, она устроена. – писатель сделал акцент на слове «возможно».

– И как же? – перебил его редактор. – Души сидят в каком-то хранилище, ждут своей очереди для вселения в тело, ставят цели и заполняют анкеты? Кстати, а как они их заполняют? Ручкой пишут или печатают на компьютере? – он весело рассмеялся.

Писатель немного замешкался от такой реакции, но затем спросил:

– Простите, вот вы верите в Бога?

– Я? – удивлённо спросил редактор, словно в комнате они были не вдвоём. – Верю, и что?

– Прекрасно! А как вы с ним общаетесь? Письма пишете или по электронной почте сообщения шлёте?

Редактор понял, в какую ловушку он угодил, и, уже с уважением взглянув на собеседника, хмыкнул.

– Ну так вот, – продолжил писатель, – анкеты заполняются так же. А в остальном вы, верно, ухватили идею.

– Понятно, – буркнул редактор и отхлебнул чай из своей огромной кружки. – Предположим это так. Но возникает вопрос, зачем душам это нужно? Для них это игра? В чём смысл? Зачем они сидят там годами и ждут? Кому это вообще надо?

Писатель многозначительно вздохнул, посмотрел в окно, словно увидел там нечто интересное, затем перевёл взгляд на редактора и ответил:

– Да, если угодно, то это игра, пусть и не совсем в том смысле, в каком мы себе можем представить.

– Вот и поясните в каком. – редактор снова отхлебнул из своей кружки и со стуком поставил её на стол.

– В другом, – произнёс писатель, – цель каждой из душ состоит в том, чтобы достичь духовного совершенства, добравшись до самого высокого уровня.

– Зачем им это нужно?

– Ну как зачем? Чтобы в конечном итоге попасть в рай.

– А разве других способов не существует? Если мы не будем грешить, разве мы не попадём в рай? – с интересом спросил редактор, слегка подавшись вперёд.

– К сожалению, нет. Это было бы слишком просто. Вы попадёте в чистилище, кажется, вы назвали его хранилищем, где сидят души. – писатель еле заметно улыбнулся и продолжил. – А оттуда вы попадёте в тело, в котором вам важно будет соблюдать тот план, который вы себе придумали и указали в анкете. Если вам это удастся, то на одну ступеньку вы станете ближе к своей цели и в следующий свой заход в чистилище, вы потратите уже меньше времени на ожидание своей очереди. Кроме того, сможете выбрать более сложный уровень прохождения. И так, раз за разом, вы сможете подняться на самый верх.

– Так, стоп! Это же вы свои домыслы сейчас озвучиваете? Не ведь доказательств, что всё именно так в этом мире устроено.

– Доказательств нет, это лишь мои предположения. – ответил писатель.

– Понятно. Но как-то это всё сложно и заморочено. Можно ведь и не пройти уровень так, как задумал?

– Конечно. Ведь соблазнов существует очень много. Человек вы взрослый, поэтому перечислять их я смысла не вижу. Вы можете поддаться одному из них, а можете и нескольким, тогда произойдёт откат на один или несколько уровней назад. После чего в чистилище у вас будет уже больше времени на ожидание, а значит и на раздумья о том, какие ошибки были допущены и как их можно будет избежать в будущем.

Редактор немного помолчал, разглядывая свои пальцы, держащие ручку кружки, а затем произнёс:

– И сколько это занимает?

– Сколько занимает что?

– Сколько лет уходит на достижение рая?

– У всех по-разному, – ответил писатель, – предположу, что примерно от ста до десятка тысяч лет.

– Фи-и-и-у, – присвистнул редактор, – немало. А можно определить по человеку на каком он уровне?

– Только косвенно. Например, свой уровень человек может определить по количеству «дежавю». Если с этим явлением он сталкивается достаточно часто, значит, прожил уже много жизней, в которых попадал в похожие ситуации, и вероятнее всего, его уровень высок. Но вполне может быть, что это объясняется тем, что он очень долго находится на одном и том же уровне. Поэтому такой ориентир, конечно, ненадёжный. Ещё одним из показателей может быть степень кармического воздействия. При заполнении анкеты в чистилище душа выбирает

эту степень – или если точнее сказать интенсивность. Но чем выше уровень прохождения, тем выше может быть эта интенсивность.

– Ничего не понимаю, – покачал головой редактор, – поясните.

– Хорошо, – согласился писатель и продолжил, – когда вы отклоняетесь от своего плана, вас возвращают к его выполнению. Но делают это не прямо, а косвенно. Например, вы заболеваете, или попадаете в тюрьму. Или что-то теряете: известность, деньги, уважение. Эти происшествия заставляют вас понять, что вы отклонились, что думаете и живёте как-то не так, как должны. Это и есть кармическое воздействие. И чем оно сильнее, тем вероятнее всего на более высоком уровне вы находитесь.

– Да, но я же могу и не сопоставить одно с другим. Могу решить, что мне просто не повезло. – возразил редактор.

– Конечно! – кивнул писатель. – В этом и заключается сложность. Если ваша душа ещё не созрела для перехода на ступень выше, то вы будете обвинять судьбу в том, что она с вами так обошлась, или будете переживать из-за происходящих с вами негативных событий, или будете непрестанно себя жалеть. Такое бывает довольно часто, именно поэтому души нередко зависают на одном уровне, либо прыгают вверх-вниз с одной ступени на другую.

– То есть, если человеку плохо, значит, он не понимает урок. Если понял – значит, страдание было нужно. Слишком уж хорошо вписывается в вашу теорию, вы так не думаете?

– Я ведь не утверждаю, что знаю правила. Я сам пытаюсь найти в происходящем смысл, – ответил писатель.

– Ясно, – после небольшой паузы сказал редактор и покачал головой, – а вот вы постоянно упоминаете план, который составляет душа. Что в нём? Он должен быть каким-то определённым?

– Да в общем-то нет, план может быть каким угодно. Самое главное – придерживаться его общей концепции и, конечно же, не нарушать семь смертных грехов, не слишком углубляться в мирское и не пропадать в развлечениях.

– Постойте, о какой концепции вы говорите? Если я хотел стать сапожником, а стал дворником, получается, я нарушил общую концепцию и план не выполнил?

– Ответ на этот вопрос зависит от множества условий. Если вы хотели стать сапожником, а стали дворником и очень из-за этого переживаете, потому что ваша мечта не осуществилась, завидуете состоявшимся сапожникам, злитесь из-за того, что мир несправедливо с вами поступил, а работа вам ненавистна, то с уверенностью можно сказать, что вы не выполнили свой план. А вот если вы дворник, любите свою работу, ощущаете себя на своём месте, гордитесь тем, что делаете, понимаете свою важность, хорошо относитесь к людям, и никому не завидуете, то беспокоиться не о чем, – писатель сделал краткую паузу, уселся поудобнее и продолжил:

– Вы знаете, каждый случай индивидуален. Я тут недавно столкнулся с очень набожным человеком, который постоянно молится, очень часто ходит в церковь, соблюдает все церковные праздники и посты, очень хорошо ко всем относится, в общем производит впечатление крайне положительного персонажа. Но есть у него одно «но», – писатель многозначительно замолчал.

– Ну не томите, не томите, продолжайте.

– Этот человек прямо насаждает свою модель поведения другим людям, приводя себя в пример. И делает это очень напористо и грубо, будучи при этом абсолютно уверенным, что его модель поведения – единственная правильная и верная. А у большинства людей это, наоборот, вызывает отторжение. Когда вы делаете этому человеку замечание, он начинает злиться и доказывать вам, в чём именно вы неправы. В общем человек полностью погряз в собственной гордыне и совершенно этого не осознаёт. Согласно моей теории, если ситуация не изменится, то человек вернётся на ступеньку назад – ни о каком выполнении плана речи тут и быть не может.

Редактор наконец допил свой чай и с силой оттолкнул кружку от себя. Она с шумом проехала по поверхности стола и остановилась. Медленно переведя взгляд с кружки на писателя, редактор, так же не спеша, подытожил:

– Что ж, теперь всё стало более понятно. Идея ваша мне ясна. Должен сказать, что она достаточно неплохо вписывается в общую картину мира. Но есть и парочка несостыковок. Вот скажите, я правильно вас понял, если какой-то человек, например, тяжело болеет, это означает, что он испытывает кармическое воздействие?

– Верно. – кивнул писатель и добавил. – Чаще всего, верно.

– Отлично. Ну тогда вопрос, а почему некоторые умирают после тяжёлой болезни? Воздействие не помогло, не сработало?

– Ну смотрите, – писатель с воодушевлением начал говорить, – опять-таки, каждая ситуация индивидуальна. Если человек во время своей болезни осознал, что было не так в его жизни, и это стало последним шагом к тому, чтобы его миссия считалась выполненной; если к этому моменту он уже достиг в жизни того, чего должен был достичь, обрёл необходимые знания, научил кого-то тому, чему должен был, осознал все свои ошибки, – ему больше нет смысла здесь оставаться, и он возвращается в чистилище, чтобы пройти новый этап. А если болезнь не дала ему ничего нового, не заставила задуматься, а только ещё больше озлобила на жизнь, окружающих людей и самого себя, значит, воздействие не помогло. И, по большому счёту, этому человеку тоже нечего делать на Земле. Кармическое воздействие в данном случае – это последний шанс: либо человек им воспользуется и выиграет, либо отвергнет и всё потеряет.

– Занятно. А как тогда быть с детскими болезнями и смертями? Только не нужно мне рассказывать про первородный грех, я в это не верю.

– Понимаете, – писатель вздохнул и выдержал небольшую паузу, – иногда, на высоких уровнях, недостаточно заболеть самому, чтобы что-то понять или осознать. И тогда могут заболеть или как-то иначе пострадать близкие вам люди. Совершенно необязательно, что в такие моменты они сами находятся под кармическим воздействием. Возможно, что именно вы подвергаетесь такому воздействию, а страдают при этом они.

– Это очень странно! – горячо воскликнул редактор. – То есть один человек может быть наказан болью того, кто даже не знает об этом? Если это так, чем такая справедливость отличается от несправедливости?

– Вопрос достаточно философский, вы же не будете отрицать, что мы многое не знаем о нашем мире. Он кажется нам в чём-то не идеальным, и мы хотим улучшить его. Он кажется жестоким, и мы считаем, что вправе осуждать его за это. Где-то его проявления, наоборот, слишком мягки для нас, и мы хотим ужесточения. Но все мы должны знать одно – как муравей не понимает, чем занята и о чём размышляет, например собака, как та же собака не понимает, чем занят и о чём думает человек, так и сам человек не может понять мыслей и замыслов Бога. Они просто за пределами нашего понимания. Поэтому мы должны принимать этот мир таким, какой он есть. Почему мы смотрим на то, насколько сложен человеческий организм и восхищаемся им? Мы восхищаемся его способностью к самолечению и регенерации, удивляемся его мыслительным способностям и трепещем перед осознанием сложности биохимических процессов, непрестанно протекающих в нём. Это творение Божье кажется нам совершенным. То же самое мы можем сказать о многих животных и природных явлениях. Но когда речь заходит о нашей собственной жизни, о том мирке, который нас окружает, мы часто бываем недовольны. Мы видим несправедливость и хотим внести коррективы. Мы брюзжим о том, как нам тяжело и хотим облегчить своё существование. Мы сравниваем других людей с собой, осуждаем их поступки и поведение. Мы жалуемся на существующую власть и точно знаем какая нам необходима. Мы злимся и негодуем, когда чьё-то поведение отличается от наших идеалов. Проще говоря, мы готовы изменить наш мир под себя, под свои нужды и желания. А нужно ли? Оста-

новитесь. Поразмышляйте, прежде чем выносить суждение, может быть у Него есть замысел, нам непонятный? Может быть, Он именно этого и хотел? Может быть, Он так и задумал? И только после размышления над такими вопросами вы можете попробовать сделать осторожные выводы. Но точно не раньше.

Позвольте мне процитировать Библию (Иер. 29:11):

«Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не во зло, чтобы дать вам будущность и надежду».

Мир удивительно гармоничен, хотя вы порой этого не видите. Добро и зло всегда уравновешивают друг друга. – писатель замолчал и посмотрел на редактора, ожидая его реакции.

– Но разве отсутствие зла – это не то, к чему хотело бы приблизиться человечество? Абсолютное добро – это ли не мечта? – задал вопрос редактор, слегка покачиваясь на стуле.

– Пожалуй, но в отсутствии зла мы не сможем понять, что такое добро, не сможем увидеть его и осознать. Разве не так? Вы же понимаете, что всё познаётся в сравнении?

В нашем мире постоянно идёт борьба добра со злом. Зло становится всё более изощрённым и сильным. Но благодаря этому развивается и добро. Стремясь победить и уничтожить зло, оно разрастается, становится сильнее, его становится всё больше. Чтобы вы поняли мою мысль, я приведу такой пример. Представьте себе какую-нибудь условную деревню, где жители занимаются животноводством и сельским хозяйством. И вот кто-то начинает воровать у них из стада овец. Представили? Это, по-вашему, проявление зла?

– Конечно, – воскликнул редактор, – а что же это ещё может быть? А если жители ещё и станут подозревать друг друга, тогда зла будет ещё больше.

– Верно. А если тот, кто украл овец, отвёз их умирающим с голода детям, это зло или добро?

– По вашей логике воровать для благого дела – это хороший поступок. Но зло всё равно останется злом!

– А если я вам скажу, что из этих детей впоследствии вырастут безумные убийцы, о жестокости которых будут слагать легенды? Если дать им возможность выжить сейчас, это пополнение чаши добра или, всё-таки, зла? – писатель усмехнулся и добавил. – Не отвечайте, подозреваю, что знаю ваш ответ.

– А я отвечу! Может эти дети и будут впоследствии жестокими убийцами, но сейчас это дети. Мало того, за период взросления они могут сделать немало хороших вещей. Так что тут ваша теория рушится! – резко выпалил редактор.

– Понимаете, в чём дело, понятия добра и зла очень относительны. И вообще я хотел донести до вас совсем другую мысль. Давайте начнём сначала. Итак, деревня, жители, стадо, кто-то ворует овец. Представим для простоты понимания, что это проявление зла. Будут ли жители предпринимать какие-нибудь действия? Конечно, будут. Во-первых, они объединят свои усилия, что впоследствии приведёт к тому, что станут дружнее, начнут больше общаться друг с другом, и в общем-то, несомненно, увеличат количество добра в этом мире. Во-вторых, через какое-то время они поймают злодея, который воровал овец, и прекратят его злодеяния. Это, как вы понимаете, тоже увеличит долю добра. И наконец, допустим, они создадут методику, устройство – в общем что-то, что позволит им избежать воровства в дальнейшем. И очень даже может быть, что это что-то они передадут будущим поколениям, тем самым тоже увеличив количество добра. Как мы видим, одно злодеяние создало плодотворные условия для развития добра. А теперь представим, что никто овец не крал. Стали бы люди дружнее? Возможно, но предпосылок к этому нет. К тому же без воровства сегодня, не было бы умения бороться с ним завтра. А была бы у них необходимость изобретать способ избежать воровства? Конечно же нет. Вы можете возразить, что им и без этого хорошо живётся. Соглашусь с вами, но отсутствие изобретений, также, ведёт к отсутствию прогресса и в дальнейшем может привести к застою. Хоть это уже и не про добро со злом, но хорошего в этом тоже мало. В

общем, подытоживая мы видим, что полное отсутствие зла – это совсем не мечта. В разумных пределах зло необходимо для нашего развития; для того, чтобы и мир развивался и шёл вперёд; для того, чтобы мы могли знать, что такое добро и чем оно ценно. А понимая это, можно убедиться и в том, о чём я уже говорил – мир прекрасно сбалансирован и очень гармоничен. Я не говорю о том, что вы должны превратиться в стороннего наблюдателя и перестать стараться улучшить этот мир, если чувствуете эту потребность. Вовсе нет. Пожалуйста, улучшайте, но не забудьте тщательно обдумать необходимость улучшений. Попробуйте мыслить, как шахматист, на несколько шагов вперёд. И переживать, если что-то не получается, точно не стоит. Ух, что-то я совсем заговорился, – писатель улыбнулся, – понесло в какую-то философию.

– Вот вы сказали, что жители поймают вора и прекратят его злодеяния. А не кажется ли вам, что прекращение злодеяний – зло само по себе?

– Если они его жестоко изобьют или убьют, то да, вы правы. А если они ограничат его, например, посадив за решётку, то никакого расширения злых поступков не произойдёт, – писатель широко улыбнулся.

– Да, – согласился редактор, – обсуждение мне нравится, правда мы «несколько», – он подчеркнул это слово, – отошли от темы.

– Да, уж… совсем слегка, – писатель продолжал улыбаться. – Может быть сходим пообедаем? Как вы на это смотрите?

Редактор бросил взгляд на часы, висящие над дверью, и кивнул головой:

– А давайте. С удовольствием!

Мужчины встали и вышли из кабинета, направившись в кафе, находящееся на пару этажей выше.

***

Он родился летом в крошечном городке на севере тогдашнего СССР. Семья его была небогатой, как, впрочем, и большинство жителей той огромной страны. Его папа, Виктор, работал электромонтёром на заводе. Работа была посменная, поэтому папа либо дежурил на заводе одни сутки, а потом три дня проводил дома, либо дежурил два дня, а потом два дня отдыхал. Маму звали Полина, и до рождения Тимофея, она трудилась в поликлинике врачом-терапевтом. Естественно, после пополнения в семье она временно перестала работать, посвящая всё своё свободное время малышу.

Тимофей рос очень неспокойным ребёнком. Он постоянно требовал к себе внимания, отказывался долго лежать в кроватке в одиночестве, завывая при этом, словно сирена. Но сразу стихал, как только оказывался на руках у мамы.

Когда ему было шесть месяцев, и он научился ползать, каждый день он исследовал их крохотную квартиру, перебираясь по-пластунски с невероятной скоростью. Стоило оставить его на несколько минут без присмотра, как содержимое всех шкафчиков, тумбочек и ящичков очень быстро оказывалось сначала на полу, а затем и во рту.

Когда он научился ходить, пришлось убирать большинство вещей на верхние полки, так как в ином случае они неизбежно оказывались на полу. К игрушкам он не проявлял большого интереса, предпочитая использовать для игр какие-нибудь взрослые вещи, например папины вольтметры и мамины стетоскопы. При этом он неизменно что-нибудь ломал, чем вызывал бурное негодование родителей.

Сейчас таких детей-непосед называют гиперактивными, считая такую особенность чуть ли не отклонением. В то время такие слова были неизвестны. Зато был известен ремень в качестве средства наказания, которое достаточно регулярно применялось к Тимофею примерно, с пятилетнего возраста. Средство, конечно, действовало, было очень страшным и пугающим, но действовало, к сожалению, совсем недолго. Говоря современным языком, в долгосрочной перспективе средство было совершенно неэффективным. Поэтому история со сломанными и

испорченными вещами продолжалась. И чем старше становился Тимофей, тем масштабнее становились проблемы. Он рисовал в книгах, затем на обоях, потом портил их мокрой тряпкой, пытаясь избавиться от улик. Его ловили за тем, как он резал ножницами занавески, маки и рубашки. Однажды он жёг на ложке сахар, чтобы сделать себе леденец – так его научил друг Сёма. Леденец не получился: сахар почернел и стал горьким на вкус. Тимофей пытался отмыть ложку, но у него не получилось, поэтому он просто выбросил её за холодильник, в надежде, что никто не найдёт. Её и правда не нашли до будущего ремонта, который случился очень нескоро.

В пятилетнем возрасте он был очень близок к тому, чтобы сжечь дом. Как уже упоминалось, их квартира была коммунальной и состояла из двух комнат. На двери их комнаты стоял очень современный, по тем временам, электромагнитный кодовый замок, который папа Тимофея соорудил и установил своими руками. Замок состоял из защёлки с электроприводом, установленной на дверь и блока с кнопками, установленного на стену рядом. Для открытия двери необходимо было последовательно нажать несколько кнопок. В один из дней, когда мамы не было дома, а папа ушёл в магазин, шестилетний Тимофей решил проверить, будет ли гореть блок с кнопками. Он взял из кухонного стола коробок спичек и начал методично зажигать их и подносить к кнопкам. Кнопки и корпус начали плавиться, терять форму. Появились языки пламени. Огонь Тимофей просто задувал, не позволяя замку разгореться. К счастью для всех, домой вернулся папа. Увидев расплавленный замок, он пришёл одновременно в ужас и бешенство, понимая, что могло произойти в его отсутствие. Наказание было стандартным по своему методу, но нестандартным по длительности и интенсивности. Конечно, тот случай Тимофей запомнил надолго, но главное, чему он его научил – что проказничать нужно так, чтобы никто не видел. К сожалению, все наказания, основанные, по большей части, на страхе, действуют именно так.

Жизнь в то время была гораздо спокойнее и проще, чем сейчас. Мама Тимофея вскоре вернулась на работу, поскольку одной папиной зарплаты с трудом хватало, чтобы свести концы с концами, и Тимофей начал ходить в садик по утрам совсем один. Иногда по пути ему встречался друг Сёма, которого родители тоже отправляли без сопровождения, и тогда дорога занимала примерно вдвое больше времени, потому что мальчишки не могли прийти в сад, не облазив все окрестные канавы. Зимой они катались по их склонам, полностью извалявшись в снегу. Весной пускали кораблики, сделанные из бумаги или деревянных прищепок. Осенью собирали листья и жёлуди, опадавшие с огромных дубов. А летом… Летом у ребят были каникулы и в садик они не ходили.

На лето Тимофей уезжал к своим бабушкам и дедушкам, жившим в другом городе. Путь на поезде в одну сторону занимал четверо суток. Любил ли он поезда? Да, конечно, несмотря на то что летом в советских поездах было не очень комфортно из-за температуры внутри. Хотя окна в вагонах были постоянно открыты, настоящая прохлада приходила только по ночам. А днём, как правило, было очень жарко. Но это совсем не заботило Тимофея, ведь дети всегда лучше переносят жару, чем взрослые. Поезд для него всегда был приключением – новые пейзажи за окном, когда северная растительность сначала сменялась южной, а затем почти полностью исчезала, когда поезд проезжал через степи Казахстана; новые города с причудливой архитектурой, такой непривычной для глаз жителя северной части страны; частые остановки, на каждой из которых местные жители торговали разными вкусностями. Тут были разные холодные лимонады в стеклянных бутылках. Была черешня, вишня, сливы, арбузы, дыни. А ещё вяленая рыба, раки, пирожки со всевозможными начинками, беляши, чебуреки и варёная кукуруза. Особенно запомнилась Тимофею варёная картошка, с мелко порезанным укропом и сливочным маслом. Боже мой, какой у неё был аромат и какой вкус! Она казалась Тимофею сладкой и буквально таяла во рту. А какой вкусный был чай в поезде, ароматный, слегка отдающий дымком от титана, который проводник топил дровами. Для такого чая не нужны были ни сахар, ни конфеты. А ещё по поезду можно было гулять, проходя через многочислен-

ные вагоны и оценивая быт его пассажиров, сравнивая купейные и плацкартные вагоны, втягивая носом запахи хлеба, варёной курицы и различной выпечки.

Не всегда Тимофей добирался к бабушке на поезде. Иногда родители приобретали билеты на самолёт, который долетал туда всего за семь часов, совершая по пути одну промежуточную посадку для дозаправки…

***

– Вот поясните мне, почему именно СССР, почему не какая-то другая страна? – задал вопрос редактор и посмотрел на своего собеседника.

– Я поясню, – произнёс писатель, – сначала я очень хотел написать про Индию. Меня прямо-таки распирало от этой идеи. Я даже написал одну главу о мальчике по имени Анил, его маме Кашви и папе Пранае. Я описал их быт, тяжёлую жизнь их семьи в трущобах огромного мегаполиса, но потом…

– А почему именно Индия? – перебил редактор.

– …я перестал писать. – По инерции проговорил писатель и, ничуть не смущаясь, продолжил. – Вы знаете, это настолько колоритное место, что, побывав там, вы никогда его не забудете. Мы живём своей городской жизнью, частенько жалеем себя и жалуемся на свою жизнь, но, если сравнить её с жизнью среднестатистического индийца, вы поймёте, что даже бедные старики-пенсионеры живут у нас несоизмеримо лучше. Там более пятидесяти процентов населения живут за гранью не просто бедности, а нищеты. Они не имеют своего жилья, они ночуют в картонных коробках, просто закутавшись в тряпки или того хуже – зарывшись в мусор. А многие из тех, кому посчастливилось иметь своё жильё, лишены тех элементарных благ цивилизации, к которым привыкли жители наших городов – воды, канализации, электричества. Мы пользуемся этими вещами, воспринимая их как само собой разумеющееся, а у многих из них в городах нет и этого. Конечно, где-то в отдалённых районах нашей страны такое тоже можно встретить, особенно в деревнях, но, во-первых, уровень жизни наших деревень гораздо выше индийского уровня, а во-вторых, только подумайте, что творится тогда за пределами их городов.

Редактор поджал губы и молча покачал головой. Писатель, тем временем, продолжал:

– А теперь представьте себе, что в один и тот же день, в одно и то же время, родились два ребёнка, пусть это будут два мальчика. Один мальчик родился, скажем, в Берлине, в семье богатых родителей, а второй в Мумбаи, у родителей, живущих в нищете. Обоим мальчикам суждено стать, например, учёными, известными на весь мир. Как считаете, кому из них будет труднее достичь цели и придётся затратить больше усилий?

Редактор промолчал, так как ответ был очевиден.

– Правильно понимаете, – подытожил писатель после короткой паузы, – между прочим, в Индии живёт около 18% от всего населения мира. А в Германии чуть более 1%. Чисто статистически количество индийских учёных должно быть в 18 раз больше, чем немецких, если бы условия их возникновения были равны. А их абсолютное количество сильно меньше.

– Вы намекаете, что в Индии рождаются те, кто находится на высоких уровнях, если сказать это вашим языком? Потому что вся их жизнь – это испытание для сильного духа?

– Это вопрос для обсуждения. Именно поэтому я и хотел написать об этой стране.

– Но если вы называете нищету испытанием, – спросил редактор, – не получается ли так, что вы превращаете чужую беду в удобное объяснение вашей теории?

– А в чём беда? Индийцы, между прочим, весьма счастливы. Может быть и в этом сложность? Ведь чтобы достичь чего-то, необходимо быть недовольным своей жизнью. А почти все индийцы ей довольны, несмотря на то, что живут в нищете.

– Индусы, а не индийцы. – прокомментировал редактор.

– Нет, я сказал правильно. Индусы – последователи индуизма, а индийцы – жители Индии. Не каждый индиец – это индус, – ответил писатель слегка нравоучительным тоном.

– Так что же, всё-таки, вам помешало написать об Индии?

– Да я даже начал. Вот, послушайте, – вместо ответа на вопрос сказал писатель и зашуршал своим блокнотом, в поисках нужной страницы. Затем он стал читать текст вслух.

***

Она очень надеялась на то, что Пранай найдёт денег, чтобы их с малышом оставили здесь до утра. Если их выгонят, то она не сможет о нём нормально позаботиться – малышу нужны медикаменты, ведь он родился таким слабеньким. Хотя бы несколько дней побыть тут. Без сил она откинулась на жёсткую подушку и закрыла глаза.

Её разбудил голос Праная:

– Проснись, Кашви, проснись, – он легонько покачал её за плечо.

Она с трудом разлепила веки:

– Ты пришёл… так скоро.

– Да, Кашви, – его глаза сияли. – Я нашёл средства, нашёл. Теперь вы с малышом сможете остаться здесь ещё на неделю.

– О, Пранай, – она улыбнулась и взяла его за руку, – надеюсь, что ты не совершил ничего незаконного?

– Не переживай, я просто получил аванс за свою новую работу, – он крепко сжал её ладонь. – Всё будет хорошо. Лучше поспи – тебе нужно быть сильной.

Она хотела поверить ему. Сейчас вера в его слова была почти так же необходима, как лекарства.

– Да, – тихо сказала она и, прикрыв тяжёлые веки, быстро провалилась в сон.

Через несколько часов Пранай разбудил её, чтобы она покормила малыша, которого принесла нянечка. Кашви кормила его грудью и улыбалась, нежно поглаживая детскую головку. А когда его унесли, она снова задремала. И ей снился их новорождённый малыш, снилось каким красивым, умным, сильным и смелым он вырастет. В её сне он стал учёным, совершившим какое-то очень важное открытие, благодаря чему стал очень богат и известен на весь мир. Она улыбнулась во сне и мягко перевернулась на другой бок.

Наутро она совершенно не помнила, что ей снилось и не подозревала, что сон был вещим.

***

– Начало было неплохое. Почему всё же решили сменить локацию?

– К сожалению, я в Индии не жил, поэтому не смог бы точно и подробно описать тамошнюю жизнь. А в СССР я жил. – С лёгкой грустью ответил писатель.

– Понято. Слушайте, а почему сюжет вообще такой? – задал вопрос редактор, после паузы, во время которой он прикрыл жалюзи на окне из-за очень яркого солнечного света.

– Какой такой?

– Я имею в виду, почему вы решили использовать религиозную тему? – уточнил редактор.

– Религиозную? А что вы нашли здесь религиозного? – искренне удивился писатель.

– Ну как же, души, чистилище, рай… Этого разве недостаточно?

Писатель слегка скривился и ответил:

– Ну хорошо, давайте заменим «души» на «сущности», «чистилище» на «место временного пребывания», а «рай» на «лучшее место, в которое попадают при достижении цели». Как теперь, оттенок религиозности всё ещё сохраняется? Думаю, что вы ответите «нет». Я использовал эти термины, потому что это привычнее мне, вам, читателям.

Редактор потянулся было к своей кружке, стоящей на столе, но вспомнил, что она пуста, поэтому с лёгким сожалением снова откинулся на спинку стула.

– Хорошо, положим, что с терминологией разобрались. Давайте, всё же вернёмся к сюжету. Почему вы остановились на таком описании жизни? Ведь всё это, – он развёл руками, – может быть компьютерной симуляцией, или виртуальной реальностью для каких-либо существ, например с других планет, или ещё откуда-нибудь.

– Ну с компьютерной симуляцией история была бы банальной. В последнее время очень много разговоров на этот счёт. Есть и книги, и фильмы. У учёных даже есть какие-то неопровержимые доказательства. Какой смысл обсуждать то, что уже обсудили остальные? Виртуальная реальность чуть интереснее, но чем сама идея кардинально отличается от той же компьютерной симуляции? Симуляцию кто-то создал, и мы в ней существуем, словно боты, не подозревая об этом. Виртуальная реальность, напротив, означает, что мы здесь лишь тени, а реальные наши тела и разум где-то лежат, подключённые к системе. Лично мне это напоминает фильм «Матрица». Я считаю, что эта идея тоже уже избита. Если я напишу об условных пользователях системы, которые подключены к ней в другой галактике или в каком-то другом месте, это всё равно мало повлияет на общий смысл. Ответил я на ваш вопрос?

– Ответили, хоть и не столь полно, как хотелось бы. – подтвердил редактор. – У вас был такой огромный выбор идей, мне по-прежнему интересно, почему вы остановились на этой.

– Вы должны понимать, что я не мог остановиться на всех идеях сразу. Я обязан был выбрать одну, что я и сделал. К тому же, я повторюсь, эта идея мне ближе всего, так как мне кажется, что я недалёк от истины.

– А вдруг далеки? Вдруг вы очень далеки от истины? Что, если всё намного проще?

– Что вы имеете в виду? – удивился писатель.

Редактор чуть подался вперёд и начал говорить:

– Сейчас объясню. Вот у вас главная идея книги в том, что человек в каждой последующей своей жизни должен становиться лучше, чем он был в предыдущей. И цель человека сохранить свою духовность, чтобы в конце концов дойти до рая. Также важно не грешить. Верно?

– Да, верно, – коротко подтвердил писатель, – но я бы не сказал, что важно не грешить. Важно осознавать, что ты согрешил и искренне раскаиваться в этом!

– Та-а-а-к, – оживился редактор и откинулся обратно на спинку стула, – чувствую, что нас опять потянет в философию и я не смогу вам рассказать то, что хотел. Но пройти мимо такой темы я не могу. Итак, если пересказать вашу фразу другими словами, получится, что можно грешить сколько угодно, но главное в этом раскаяться?

Писатель улыбнулся, покачал головой и ответил, после небольшой паузы:

– Только если это воспринимать буквально. Помните, я рассказывал вам об одном набожном человеке?

Редактор молча кивнул.

– Отлично. Тогда, я ещё кое-что о нём расскажу. Дело в том, что этот человек утверждает (и, главное верит в это), что если ты всю жизнь грешил, например воровал, убивал, чревоугодничал, а перед смертью попал в церковь и исповедовался, то ты чист перед Богом и попадёшь в рай! Поэтому он ходит в церковь почти каждый день и исповедуется там. И настолько он к этому привык, что делает это, скорее всего, формально, не испытывая при этом никаких чувств, кроме страха не попасть в рай, потому что не успел перед смертью исповедоваться. Вот что происходит, когда слова воспринимаются буквально.

А на мой взгляд, важно другое. Важно понимать и осознавать, что ты согрешил, что ты сделал ошибку, что действия твои были неправильны, что ты не хочешь делать это снова, что ты хочешь искупить свою вину. Вот когда после твоего греха тебя посетят такие мысли, значит, ты раскаиваешься. Нужно ли после этого идти в церковь и исповедоваться? Да пожалуйста, если есть желание, то почему бы и нет. Но важнее не этот поход, а то, что происходит у тебя

в душе. Ведь там могут идти разговоры с Богом, гораздо более откровенные, чем те, которые ты можешь позволить себе со священником.

– А если человек раскаялся, мог исправить причинённый вред, но не исправил? – спросил редактор. – Одних правильных мыслей достаточно будет тому, кого он обидел?

– Нет, – ответил писатель после паузы. – Если можешь исправить, должен попытаться.

– А Богу достаточно мыслей или нужны поступки?

– Богу нужно ваше раскаяние.

– Откуда вы вообще можете знать, что нужно Богу? – спросил редактор.

– Оттуда, что читал Его заповеди.

– Там нет подробностей. Каждый трактует, как хочет или может. Вы так не думаете?

– Да, я так думаю. Но я вам рассказываю про свою точку зрения, – ответил писатель твёрдым голосом.

– Ладно. Что, по-вашему, будет с этим человеком, про которого вы рассказали?

– Ну, – писатель слегка пожал плечами, – я считаю, что если он не изменит своего мировоззрения, то не перейдёт на следующий уровень. Возможно даже вернётся на уровень назад. Тем самым отдалится от рая.

– Что ж, – кивнул редактор, – это всё лишь в том случае, если придерживаться вашей идеи.

– Конечно.

– А вот вам тогда моя. В целом концепцию оставим вашу, оставим души, оставим уровни, даже рай оставим. Но уберём оттуда всё, что связано с грехами. Ну, как вам? – редактор ухмыльнулся.

– Пока не понял. Поподробнее, пожалуйста.

– Представьте, что наша жизнь – это игра, но игра без правил, которые вы формулировали как «не согреши», «сохрани духовность» и так далее. Представили?

– Не совсем. – слегка поморщился писатель.

– Ну как же? Всё то же самое, что и у вас – души, хранилище, распределение, прохождение уровня, снова хранилище, снова распределение. Представили?

– Д-да, – проговорил писатель.

– Прекрасно. А теперь представьте, что нет никаких правил и каждый на Земле может делать всё, что захочет. – Редактор торжественно улыбнулся. – И да, в пользу такой теории говорят многие вещи.

– Какие например? – писатель наморщил лоб.

– Ну, например, всякие мерзавцы могут очень долго жить и делать свои злодеяния на протяжении долгих лет – маньяки, наркоторговцы, воры, находящиеся у власти – да кто угодно. Таких примеров полно и таких людей можно перечислять бесконечно. Они делают то, что хотят, они не взирают на законы, а Бог не наказывает их.

– Слушайте, а как вы хотите, чтобы он их наказал? Поразил молнией в самое сердце? Или, может быть, утопил во время наводнения? Или подстроил автокатастрофу? Он их и так наказывает, просто вы этого не видите. По окончании жизни, душа такого человека переместится на несколько уровней вниз!

– Пф-ф-ф. И всё? – редактор вдруг резко вцепился пальцами в подлокотники кресла. – Вы считаете это соразмерным наказанием?! В истории есть примеры, когда один человек губил миллионы жизней – вам ли их не знать. И наказанием такого человека будет лишь возврат на несколько, как вы говорите, уровней, назад! Да это просто немыслимо! Ваша теория вообще ни к чёрту не годится!

Писатель выждал паузу, позволив редактору слегка успокоиться, после чего сказал:

– Вспомните наш не столь давний разговор о том, как удивительно сбалансирован наш мир. Вспомните разговор о добре и зле. Если что-то происходит, то происходит не просто так. Так что не вижу никаких противоречий между моей теорией и происходящим вокруг.

– Но для человека, который потерял близких, слова о балансе едва ли как-то помогут! Не слишком ли легко говорить о гармонии от имени тех, кто не может возразить?

Писатель промолчал. Редактор взял себя в руки и снизил тональность.

– Хорошо, – сказал он, – вот вам другой пример. По-вашему, болезни – это обязательно кармическое наказание, чтобы человек что-нибудь понял и осознал. А по-моему, это просто результат каких-то сбоев в организме, под воздействием внешних факторов или стресса. Вот и всё.

– Подождите. – писатель воодушевился. – Я вам сейчас объясню, что вы не правы. Бывало ли у вас такое, когда какая-то мысль не даёт вам покоя, когда вас что-то очень сильно тяготит, когда вы переживаете по какой-то причине и эта причина кажется вам самым важным на свете? И ничто другое вас не волнует. Ведь бывало же?

– Думаю, что всех такое бывало, – согласился редактор.

– Тогда, наверное, бывало и другое – когда, находясь в такой ситуации, вы вдруг заболеваете. Например, гриппом с осложнением пневмонией, да так, что вы неделю лежите в кровати – и хорошо если в домашней, а не в больничной – и не можете с постели подняться. И вот в момент вашей болезни, мысли, которые вас тяготили, отходят на второй план. И вы лежите и думаете, какой же вы были дурак, что переживали о таком. Думаете о том, что есть вещи и поважнее и самое важное для вас сейчас – это ваше пошатнувшееся здоровье. Ну признайтесь, было ведь у вас такое?

– Да, было, – произнёс редактор.

– Во-о-т, – писатель поднял вверх указательный палец, – а вы говорите: «результат стресса». Конечно, без стресса запуск болезни чаще всего не обходится. Я вам привёл пример кармического воздействия. Так что опять-таки нет никаких противоречий с моей идеей. И вообще, ваша теория, эти ваши мысли – это проделки сатаны.

– Сатаны? Поясните.

– Да пожалуйста. Это его методы, ведь его цель заморочить вам голову, чтоб вы не прошли дальше, чтобы вы разрушили вашу духовность и остались на этом уровне. Либо же сделали шаг назад. Он действует нежно, незаметно. Всё начинается с ма-а-аленькой мысли, – писатель прищурился и показал пальцами, – мыслишки, зародившейся в вашей голове. Она может быть какой угодно по содержанию, но главное, что в первый момент она кажется вам чуждой и вы её отвергаете, как для вас неприемлемую. Но, спустя какое-то время, жизнь ваша поворачивается таким образом, что вы эту мысль вполне себе принимаете…

– Ничего не понимаю, – помотал головой редактор, – приведите пример.

– Хорошо. Но ситуация будет утрированной, чтобы легче было понять. Итак, представьте, что вы потеряли работу и очень сильно нуждаетесь в деньгах. Вы переживаете, что вам их катастрофически не хватает, вы не знаете, где их взять. И вот как-то вы заходите выпить чашечку кофе в ресторан и находите оставленный кем-то на столе бумажник, набитый купюрами. И тут же у вас появляется мысль, а не взять ли его себе, ведь это решит множество ваших проблем. Но вы отвергаете эту мысль и зовёте официанта, так как вы не вор и не можете взять чужой бумажник, вы по-другому воспитаны и для вас это неприемлемо. И вроде бы ничего ужасного не произошло, но через несколько часов или даже дней, вы несколько раз мысленно возвращаетесь к этой ситуации и каждый раз убеждаете себя, что поступили правильно.

А дальше вам устраиваются испытания. Вы смотрите фильм, в котором главный герой, которому вы симпатизируете, также находит кошелёк и оставляет его себе. Вы снова вспоминаете свой случай.

Через какое-то время ваш старый знакомый делится с вами историей о том, как он нашёл мужскую открытую сумку с деньгами и документами. Часть денег лежала внутри сумки, часть снаружи. Поэтому он собрал лежащие снаружи деньги и оставил себе, так как непонятно, из сумки они были или нет, да и вообще иначе их развеял бы ветер. И вы просто невольно вспоминаете свой случай, и думаете о том, что бумажник мог бы взять кто-то другой, и что официант мог присвоить его себе после того, как вы его вызвали. А может лучше бы вы сами его взяли, чем так? И вы снова отгоняете все эти мысли прочь.

Потом вы находите на улице купюру. Вы, конечно же, не знаете чья она, поэтому вы берёте её себе. И она приходится вам весьма кстати. И вы снова вспоминаете случай с бумажником. Вспоминаете скорее в фоновом режиме, но всё же вспоминаете.

Спустя сколько-то времени вы идёте в толпе прохожих и у человека, идущего впереди вас, выпадает из кармана портмоне. Вспоминая ситуацию с бумажником, вы окликаете человека, но он продолжает идти. Вы нагибаетесь за портмоне, берёте его и хотите догнать этого прохожего, чтобы отдать ему его вещь. Но поскальзываетесь и растягиваетесь плашмя, больно стукнувшись телом о мостовую. Когда вы поднимаетесь, то уже не видите того человека. Расталкивая толпу, вы пробираетесь вперёд в попытке обнаружить знакомую спину, но ваши усилия тщетны. Вы вынуждены взять портмоне с собой. Вы не открываете его, хотя соблазн велик. Несколько недель подряд, каждый день, вы ждёте того самого прохожего на том самом месте, но он не появляется. Тогда вы решаете открыть портмоне в надежде обнаружить там документы. Увы, там только деньги, и сумма весьма приличная. Вы понимаете, что хозяина вам не найти. Глупо отдавать портмоне в бюро находок – оно ничем не примечательно и у него найдётся тысяча мнимых хозяев, поэтому, рассуждая логично, вы оставляете находку себе. Вы правда не хотели такого развития сюжета, но так получилось и всё, что вам остаётся – это тратить деньги, попавшие в ваши руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.